

Исполнилось сорок дней, как не стало любимого актера многих поколений, патриарха нашей сцены Михаила Андреевича Глузского. К его мнению прислушивались политики, чиновники, артисты. "Он — гений человеческого общения — легкий, ироничный и... единственный, — выразила общие чувства всех знавших Михаила Андреевича Вера Глаголева. — Поэтому ощущение пустоты не проходит. Нельзя поверить, что больше мы случайно не встретимся в Доме киноактера или на кинофестивале. И все время не покидает мысль, что что-то можно было изменить, что чего-то мы не сделали". *Моск. Комсо*

ТРИ ТОВАРИЩА

Как выглядели мушкетеры конца XX века? Да так же, как и в веке XVII — веселые, вечно подтрунивавшие друг над другом, — все свои успехи и беды они делили на троих. Когда один собрался в космос, друзья гордились так, словно витать на околоземной орбите предстояло им самим. Когда кто-то из них пропускал гастроль, товарищи постоянно названивали ему, засыпая шуточными угрозами: "Как ты смел, несчастный, покинуть нас! Уж вернемся, зададим трепку. Ведь скучно без тебя!". А уж когда у одного из них родился сын, общей радости не было предела — казалось, что ребенок появился сразу у всей троицы. Счастливым отец называл малыша в честь старшего друга — Михаилом.

Внушительная разница в возрасте (одному из них было под 80, другому — около 50, а третьему — чуть больше 35 лет) ничего не меняла: "Есть такое слово — симпатия. Вот это самое главное. А еще, наверное, общность интересов, одинаковое отношение к происходящему, умение слышать друг друга и не лезть настырно в душу", — объяснял их дружбу Михаил Глузский. Остальных товарищей звали Владимир Стеклов и Евгений Дворжецкий.

Подружились три актера на спектакле "Антигона в Нью-Йорке". Михаила Андреевича в спектакль вводили срочно дублером — предыдущий актер Владимир Баринев уехал на гастроль. Глузский входил в роль немного нервно, переживал, что не все сразу получается. Но друзья поддерживали, помогали, и спектакль удался на славу.

— Михаил Андреевич умел дружить, — рассказывает один из товарищей актера, известный политик Александр Сатаров. — С ним всегда было интересно, и абсолютно не чувствовалась разница в возрасте. Потому и получилось, что мы, друзья его детей, стали и его друзьями.

НЕСБЫВШАЯСЯ МЕЧТА ПАТРИАРХА

— Где-то на второй или третий день знакомства Михаил Андреевич взял меня за руку, — вспоминает Александр Лившиц, — увел подальше от шума и тихо, по-отцовски заботливо спросил: "Ну как дела, Саша?". Меня уже много лет так никто не спрашивал. Наоборот, все только ждали советов да ответов — "спросите у Лившица". Слово у господь бог. Нормальный человек, даже дожив до 50 лет и пройдя множество постов, все равно нуждается в моральном авторитете. К счастью, на моем пути встретился именно такой, абсолютно порядочный, мудрейший человек. Причем я знаю еще нескольких идеально правильных, кристально честных людей, — продолжает Александр Яковлевич, — но все они ужасные зануды. Михаилу Андреевичу удалось избежать крайностей, он всегда оставался порядочным, доброжелательным и очень веселым человеком.

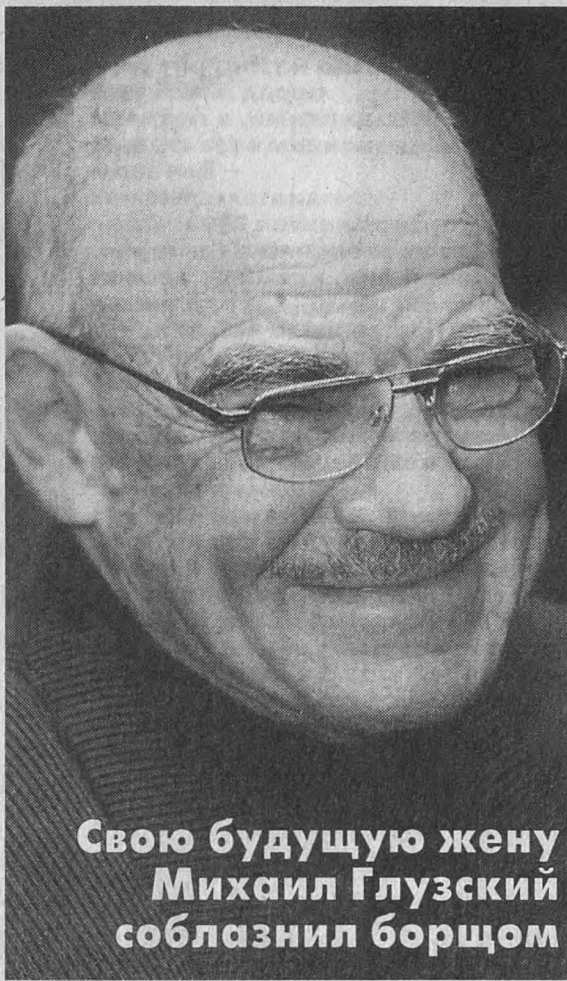
— Да уж, Миша всегда любил пошутить, — поддержал Лившица школьный товарищ Глузского, дядя Женя Шекин (так с легкой руки Михаила Андреевича его все звали). — Помню, в войну он уехал с театром в Свердловск и прислал такую открытку: "Дорогой Аполлон! Не знаю, право, какими именами называть тебя! Я, можно сказать, из кожи вон лезу, пишу, покупаю марки, а ты... (ох, как жалко, что это открытка) и в ус не дуешь. Отделяешься от меня припиской в маминном письме. Если не ответишь на эту открытку, я больше тебе писать не буду, а когда приеду, изваляю тебя в новых брюках, невзирая на твою джундиту. Я все могу. Пиши, дьявол. Твой Миша". Я поверил, — продолжает дядя Жора, — застыдился, а потом смотрю — открытка-то была за мой счет, с доплатой получателя.

— Даже если Михаил Андреевич кого-то и ругал, то легко, беззлобно, и очень иронично, — продолжает Александр Лившиц. — А вообще-то он терпеть не мог, когда о людях говорили плохо. Помню, в самом начале нашего знакомства за столом речь зашла об одном артисте. "Все знают, от водки помер", — вылетело у меня. Михаил Андреевич ничего не сказал, но так посмотрел на меня, что я осекся. Он много знал про актерские судьбы, но никогда в жизни не говорил о людях то, что не могло бы их красить.

Подрастал маленький Миша, его три "папы" планировали новую совместную работу, но... 1 декабря 1999 года Евгений Дворжецкий разбился. Мушкетеры осиротели. "Папа переживал так, словно погиб самый родной его человек... например, сын", — с трудом подбирает слова Андрей Михайлович Глузский. Старого актера спасала только работа.

САМЫЙ ОБАЯТЕЛЬНЫЙ БЕЛОГВАРДЕЕЦ

Свои университеты Глузский начал в Центральном универмаге Мосторга, где работал электромонтером. Там он и заболел театром — играл в самодеятельности. Два года пытался поступить в разные театральные школы — не брали: слишком уж не похож на стандартного советского красавца — победителя соцсоревнования. Поддерживала старшая сестра Людмила — советовала, что лучше читать, водила по театрам, заставляла учить стихи. Оказалось, не напрасно — случайно юноша узнал о наборе в только что созданную на базе ВГИКа "Школу киноактера". Поступил. Группа оказалась на удивление дружная да веселая. Вместе отмечали да-

Свою будущую жену Михаил Глузский соблазнил борщом

Вместе с Евгением Дворжецким и Владимиром Стекловым.

же дни рождения "мамы Франи" — мамы Михаила Андреевича. Гостеприимная Ефросиния Кондратьевна заботилась о друзьях сына — в маленькой комнатке Глузских, где жил человек, всегда находилось место для заглянувшей молодежи. Правда, на первом курсе Миша долго ходил в кандидатах на вылет: слишком уж широкие у него были брюки да чересчур набириллиненный чуб.

В 1940-м Глузского призвали в армию, в Центральный театр Красной Армии. Правда, вместо положенных трех лет он прослужил целых семь. Военная выправка да любовь к дисциплине остались на всю жизнь. А уж на лошади он сидел как влитой. После демобилизации Михаил Глузский пришел в Театр-студию киноактера, которую и считал своей настоящей школой. Правда, почти двадцать лет он просидел на задворках киномира, играя либо эпизодические роли, либо бандитов.

— Конечно, папа переживал страшно, что ему подсовывают одних злодеев, — вспоминает Глузский-младший, — стремился даже негативных героев сыграть интересно, многогранно. От многих ролей просто отказывался.

— Помните, как в "Тихом Доне" есаул Калмыков рвал на себе рубаху: "Стреляй, ну смотри, как умирает русский офицер!" —

поддерживает разговор Александр Лившиц. — Вроде бы отрицательный герой, белогвардеец... но можно забыть весь фильм, только не этот эпизод. Не знаю, как его не вырезала тогдашняя цензура, ведь впервые за десятки лет на советском экране белый офицер оказался порядочным человеком. Впервые кому-то еще, а не только красноармейцам было позволено героически умирать. Глузский — гений эпизода.

В конце концов Михаилу Андреевичу удалось переломить стереотип, и в фильме "Монолог" он сыграл настоящего русского интеллигента профессора Сретенского. Когда Глузского утвердили, он долго нервничал: "А справлюсь ли? Смогу ли?". Вообще, к работе над ролями Глузский подходил очень ответственно, часто давал почитать домашним сценарий (даже внукам), ходил сосредоточенный — родные знали, лучше не отвлекать. На репетициях Михаил Андреевич терпеть не мог, если кто-то был не в форме — не знал текст или, дай бог, выпивши. Тут он мог и приложить — многие артисты его потому и побаивались. Хотя не было в театрально-киношном мире и человека более доброжелательного. Если чья-то работа ему нравилась, Михаил Андреевич обязательно звонил дабы малознакомому артисту или режиссеру, поздравлял, хвалил.

ВЕРНЫЙ РАЗЛУЧНИК

Однажды, когда Миша Глузский демобилизовался, один из приятелей пригласил его на вечеринку. Встретившись глазами с юной и веселой хозяйкой комнаты, 22-летней студенткой ГИТИСа Катюшей, Михаил понял, что пропал. Потом и Екатерина Павловна вспоминала, что симпатия возникла как-то сразу. Правда, Михаил на этой студенческой посиделке был невесел и быстро ушел — переживал за маму, которую забрали в больницу с аппендицитом. Операция прошла неудачно, и на следующий день Ефросиния Кондратьевна не стало...

Спустя несколько недель Миша и Катя снова пересеклись у кого-то в гостях. Проболтали весь вечер, не замечая никого вокруг. Но юная студентка была замужем за своим однокурсником, 29-летним капитаном, после войны подавшимся в ГИТИС. "Всем хорош braveйший военный, только уж слишком нудный и правильный", — рассуждали смешливые подружки Катюши. А вот кандидатуру Миши Глузского девушки одобряли — хоть он и был постарше, но великолепно вписывался в любую компанию, сразу как-то располагал к себе. Потому приятельницы, увидев, какими глазами молодой актер смотрел на Екатерину Павловну, решили всячески ему помогать. Случайные встречи Кати и Миши становились все чаще, пока однажды актер сказал, что на несколько лет уезжает в командировку — работать в театре советских войск в Германии. Договорились писать друг другу. Роман в письмах тянулся несколько месяцев, и однажды, узнав, что Глузский собирается в отпуск, девушка написала: "Приезжай ко мне". Написать-то написала, но как сообщить об этом нелюбимому, но законному супругу? Подруги каждый день торопили: "Ну скажи ему, скажи!", но Катя все откладывала решительный разговор на завтра. И вот перед самым приездом Михаила она набралась храбрости и попросила мужа уйти. Супруг театрально собрал чемоданы, хлопнул дверью и патетически произнес: "Я-то уйду, но ты еще похаживай! С ним ты счастлива не будешь!". Но недоброе пророчество не сбылось — Михаил Андреевич Глузский и Екатерина Павловна Перегудова с удовольствием танцевали на собственной золотой свадьбе, а дети и внуки осыпали "молодых" зерном да монетками.

А тогда, в конце сороковых, Катюша долго рыдала в подушку и ждала, когда же постучит Михаил. Но он остановился у старшей сестры и, позвонив лишь на следующий день, пригласил Екатерину Павловну в гости. Встретил любимую на лестнице, поразив шикарным немецким костюмом. Широким жестом пригласил девушку на кухню, где специально к ее приходу приготовил вкуснейший борщ. Надо сказать, природа наделила Михаила Андреевича великолепными кулинарными способностями. Сын Андрей вспоминает, что когда они с сестрой узнавали, что сегодня "дежурит" по кухне папа, то прыгали до потолка от радости ("Хотя мама тоже вкусно готовит", — тут же поправился Андрей Михайлович).

Итак, дальше все происходило, как в лучших романтических фильмах той поры — вечерние прогулки по Москве, стихи при свете луны... Скоро сказка сказывается, да... Государство вступилось за первого супруга Катюши. Тогда как раз началась очередная компания по укреплению советской семьи, и потому разводили с трудом — только через суд и после многих месяцев хождения по инстанциям. Потому даже первенца Глузских, Андрюшу, записали сначала на имя первого мужа Екатерины Павловны. Лишь спустя год после рождения сына, в 1952-м, им наконец-то удалось восстановить справедливость и оформить все бумаги официально.

— За всю жизнь я ни разу не слышал, чтобы родители ссорились, даже просто повысили голос друг на друга, — вспоминает Андрей Михайлович.

— Это была идеальная пара, — делится впечатлениями Александр Лившиц, — наблюдать за ними доставляло одно удовольствие. Когда мы собирались вместе за столом, Михаил Андреевич стремился, чтобы у Кати на тарелке были самые вкусные кусочки.

Глузские обожали проводить вместе свободные вечера — за вкусным ужином перед телевизором. Больше всего любили спортивные программы, особенно футбол. Екатерина Павловна с юности болела за "Динамо", внук Миша — за "Спартак", а Михаил Андреевич просто наслаждался ходом игры. Но супруги не только азартно болели, но и сами очень увлеченно и эмоционально играли... в карты, в канасту. Причем на деньги. Правда, проигрывать обеих сторон оплачивались из одного кармана — Михаила Андреевича. Вообще, в семье Глузских бюджет распределялся так: за кушачьи траты отвечала жена, а крупными суммами заведовал муж.

— Как-то, лет 25 назад, — вспоминает Андрей Михайлович, — утром в квартире раздался звонок. На пороге — несколько взволнованных женщин говорят: мы из соседнего здания, из химчистки. Мол, у них внезапная ревизия и обнаружили огромная недостача — 400 рублей. Двести они уже нашли, а еще двести попросили взаимки. Мама и рта раскрыть не успела, как папа привнес деньги. Когда за радостными дамами закрылась дверь, мама заинтересовалась: "Ты их знаешь?" — "Нет, я думал, ты их знаешь"... Назавтра женщины действительно вернули долг.

Однажды, лет пять назад, Глузский по доброте своей получил серьезную травму ноги и полгода провел в гипсе. Полная крупная дама споткнулась на эскалаторе и покатилась вниз по лестнице. Все в ужасе расступались, и лишь один Глузский смело вышел "на амбразуру" и остановил падение кустодической красавицы.

Незадолго до смерти Глузский сказал: "Я счастлив в семье, счастлив, что мои дети твердо стоят на ногах. Надеюсь, и внуки, которые сейчас учатся, найдут свое место в жизни. А второе (наверное, это должно быть первым) — я до сих пор играю. Я не криво душой: работа действительно дает мне силы жить... К сожалению, у меня пока нет главной роли в театре. Но я не перестаю ее ждать".

Светлача ПЛЕШАКОВА.